

Текст · 29 ноября 2019, 08:55

Никита Сологуб,

4 000 страниц и «Ставропольский край в добром здравии». Как Россия убедила ЕСПЧ, что заместительная терапия не нужна

В 2010 году адвокат Ирина Хрунова подала в Европейский суд по правам человека жалобу против России в интересах Алексея Курманаевского — четырежды судимого за подделку рецептов на опиаты ВИЧ-положительного жителя Казани, зависимого от героина с 1994 года. За 20 лет мужчина пытался бросить наркотики не один десяток раз, но срывался во время реабилитации — на втором этапе принятого в России метода лечения, который предполагает воздержание от вещества. Другие методы лечения^[1] наркозависимости, например, опиоидная заместительная терапия, в стране запрещены, в чем Хрунова усмотрела нарушение Европейской конвенции по правам человека.

В последующие годы к Курманаевскому присоединились другие заявители — Ирина Абдюшева (сейчас она носит фамилию Теплинская) и Иван Аношкин, дела которых вел адвокат Михаил Голиченко. Как и Курманаевский, все они проходили лечение в государственных клиниках, но возвращались к употреблению наркотиков, а когда писали заявления в Минздрав с просьбой обеспечить заместительную терапию метадонем, получали отказ.

Метадон Кихот. Заместительная терапия с использованием метадона одобрена ООН и применяется для лечения наркозависимости во многих странах мира. В России она остается под запретом. Трое наркозависимых обратились в ЕСПЧ, чтобы добиться признания этого запрета пыткой.

В июне 2014 года Страсбургский суд объединил жалобы — все заявители просили признать нарушение статей 8 (право на уважение частной жизни, запрещающая вмешательство в его осуществление со стороны публичных властей) и 14 (запрет дискриминации: пользоваться правами и свободами, установленными Конвенцией, могут все люди независимо от их расы, пола, убеждений и иных отличительных признаков) Европейской конвенции по защите прав человека — и коммуницировал их. Эта жалоба стала первой в мире, когда заявители оспаривали невозможность получения заместительной терапии в своей стране.

В декабре того же года Россия попросила дать ей отсрочку для предоставления дополнительных замечаний к жалобам. По словам адвоката Михаила Голиченко, за последующие девять месяцев правительство «завалило» суд «откровенной ерундой» — общий объем дополнительных материалов превысил четыре тысячи страниц — в частности, туда был отправлен меморандум, авторы которого уверяли, что введение в России программ заместительной метадоновой терапии повысит уровень коррупции в системе здравоохранения и будет грозить накоплением «массы зависимых от метадона и бупренорфина лиц, которых легко склонить к преступной деятельности и терроризму, направленных против государства в целом, представителей органов власти».

«Там просто все вывернуто наизнанку было. Вот сотрудник какой-то страны в мониторинговом центре, к примеру, Финляндии, сообщает, что количество смертей от передозировок метадоном возросло, очевидно имея ввиду уличный метадон, а не из программ заместительной терапии, — рассказывает Голиченко. — А наши сотрудники ФСКН за ним записывают, что вот, терапия людей убивает. Или пишут, что Германия и Швейцария отказывается от заместительной терапии метадоном, не упоминая, что при этом вводится программа терапии героином. Бесконечные страницы мнений о том, что терапия метадоном не нужна, от имени ученых-наркологов с регалиями, перевирающих информацию — они, например, пишут, что число передозировок метадоном в штатах и Канаде увеличилось, но не говорят, что там он выписывается

как обезболивающее, что тот же Майкл Джексон, он умер не потому, что участвовал в заместительной терапии, а потому что ему доктор метадон как обезболивающее назначил».

Кроме того, видя, что в качестве третьих лиц на стороне заявителей выступают весомые организации и чиновники — спецдокладчик ООН по пыткам и жестокому обращению, Международные врачи за здоровую наркополитику^[2], спецпосланник ООН по ВИЧ/СПИД в

Восточной Европе и Центральной Азии, *Human Rights Watch*, Европейская ассоциация по лечению опиоидной зависимости, Канадская правовая сеть по ВИЧ/СПИД, Международная организация снижения вреда и *UNAIDS*^[3] — своих третьих лиц в

Страсбург решила отправить и Россия, объясняет Голиченко. Ими стали НКО «Ставропольский край в добром здравии», Душепопечительский центр реабилитации граждан в честь Иоанна Крондштатского, Независимая наркологическая гильдия, объединение реабилитационных центров Северного Кавказа и Национальная ассоциация реабилитационных центров — при этом последняя, уверяет адвокат, была создана исключительно^[4] для участия в рассмотрении жалобы.

«Огромное, просто огромное количество заявлений различных от этих третьих лиц было подано. Я со своей стороны уверен, что это было сделано для того, чтобы просто запутать суд. Просто такой прием, чтобы судьи увидели большое количество заявлений от людей, которые обладают различными

учеными степенями, и не стали разбираться во всем этом», — считает адвокат. Кроме того, правительство России подготовило дополнение к своей позиции по жалобе, в котором указало, что заявители, будучи наркозависимыми, получали в России всестороннюю поддержку и не подвергались какой-либо дискриминации.

Например, в документе говорилось, что Курманаевский и Аношкин неоднократно обращались в государственные учреждения за медицинской помощью и получали ее, но каждый раз отказывались от лечения; при этом авторы дополнений особо подчеркивали, что Курманаевский имел хорошую работу, неоднократно выезжал за границу и проходил терапию от ВИЧ. Оба этих заявителя, указывали российские чиновники, на момент рассмотрения жалобы вышли в ремиссию (в подтверждение прилагались результаты анализов) — а значит, сомневаться в эффективности российского подхода в лечении не стоит.

Алексей Курманаевский. Фото: личная страница ВКонтакте

Теплинская же, отмечали в правительстве, в ремиссию не вошла, но это было связано не с неэффективностью принятых в России методов лечения, а с тем фактом, что в стационаре она лежала лишь единственный раз — в 1984 году. При этом, отмечает Голиченко, авторы дополнений не упомянули тот факт, что заявительница неоднократно обращалась за помощью, но делала это анонимно, а кроме того, провела 16 лет своей жизни в тюрьме.

«То есть написали, что они в ремиссии, а значит, излечились, значит, российская система эффективна. Но сейчас Курманаевский на заместительной терапии в Израиле, Теплинская была на терапии на Украине, а Аношкин не употреблял, но потом снова начал употреблять, а потом опять перестал. И такова природа наркомании, она во Всемирной организации здравоохранения так и определена — это хроническое

заболевание с рецидивами, а Россия считает, что если проявляется манифестация болезни и человек начинает употреблять, то его нужно из лечения выкидывать. Это как у тебя грипп, ты чихаешь, а тебе говорят — а, ты чихаешь, ну и вали отсюда, мы тебя лечить не будем. Вот не чихай, и мы тебя вылечим», — проводит аналогию адвокат.

ЕСПЧ **вынес** решение через пять с половиной лет после коммуникации. Жалобы Курманаевского и Аношкина судьи, фактически, отказались рассматривать, сославшись на то, что заявители находились в состоянии ремиссии, а значит, задачи практикуемых в России методов лечения были достигнуты. В случае Теплинской, у которой ремиссия зафиксирована так и не была, суд отказался решать, «была ли медицинская помощь, не говоря уже о применении того или иного метода лечения зависимости, адекватной и полной», отметив, что эти вопросы относятся к области исключительно медицинской, а не судебной экспертизы.

«Тезис [Теплинской] можно понимать как желание пройти лечение заместительной терапией, минуя шаги, отстаиваемые традиционной медициной, которые она считает ненужными и неэффективными. Чтобы подкрепить его, она обращается к европейскому консенсусу о заместительной терапии, международным конвенциям, подписанным этим государством, и данных о преимуществах, которые это лечение дает для профилактики ВИЧ. <...> Сформулированная таким образом жалоба представляется правительству <России> как заявка на легализацию наркотиков

<...> В подтверждение своего отказа правительство ссылается на риски для здоровья населения <...> и квалифицирует заместительную терапию как усугубление наркомании, а не ее лечение, [утверждая] что такое употребление вызывает новую зависимость», — говорится в решении ЕСПЧ.

«Суд считает, что риски, на которые ссылается правительство [России], не являются обоснованными. Российские власти руководствуются заботой о защите здоровья граждан, находящихся под их юрисдикцией, поэтому оправданно принимают меры для сведения к минимуму ущерба, причиняемого наркотиками, иногда такими решительными, как запрет тех или иных опиатов. <...> Европейский суд с удовлетворением отмечает, что заявителю предоставлена традиционная медицинская помощь, основанная на прогрессе науки, в российских медицинских учреждениях», — заключили в Страсбурге.

Голиченко приводит еще одно сравнение: отказ ЕСПЧ оценивать жалобу заявителей на страдания от отсутствия заместительной терапии из-за того, что на момент рассмотрения они были в ремиссии, равноценен отказу рассматривать дело об избиении заключенного в колонии по той причине, что потерпевший уже вышел на свободу. «То есть тот факт, что у них стойкая ремиссия, суд расценил как свидетельство того, что заместительная терапия им и не нужна. Но то время, когда она им была нужна, он оценивать не стал — его ведь в тюрьме избили, а мы сейчас на свободе, какая разница. И вот то, что суд

выбрал такой подход — это полный ***** [атас]», — возмущается адвокат.

По его мнению, увязнув в тысячах страниц материалов, присланных российским правительством, суд не нашел времени на их полноценный анализ. «ЕСПЧ просто купился на эту уловку и согласился с тем, что в России есть так называемые привычные методы лечения наркомании, хотя очевидно, что сейчас как раз таким привычным методом для всего мира и является заместительная терапия. Это может быть и наркофобия: судьи посмотрели и сказали — да ну, какие-то наркоманы. Там [в коллегии судей] был мужчина из Кипра, дама из Словении и мужчина из Сан-Марино, для которых эта тема вообще в принципе на повестке дня не стоит, для этих государств», — предполагает он.

Единственной судьей, не согласившейся с отказом в удовлетворении жалоб, стала представительница Швейцарии Югге Келлер — она высказала особое мнение. В документе судья сравнила дело российских заявителей с делом двух гражданок Чехии, которые оспаривали фактически действующий в этой стране запрет домашних родов — тогда ЕСПЧ также не усмотрел нарушения статьи об уважении частной жизни. «Поскольку в настоящем деле заявитель говорит о доступе к методу, который, по его мнению, не только предотвращает бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, но даже его возможную смерть, я делаю вывод о том, что этот доступ как ничто иное затрагивает саму суть частной жизни», — указала судья.

Говоря об отказе ЕСПЧ оценивать жалобы Аношкина и Курманаевского, Келлер обратила внимание на то что само по себе страдание, вызванное запретом на метадон и бупренорфин, позволяет назвать требования заявителей приемлемыми. «Правительство [России] оспаривает эффективность заместительной терапии в вопросе приближения к ремиссии, так как такое лечение, по его мнению, приведет к полинаркомании. Однако при этом оно не спорит с тем, что заместительная терапия позволит в первое время снизить мучения, вызванные отказом от опиатов, что и является объектом жалобы, поданной заявителями. <...> Эти страдания не являются непосредственным результатом отказа от опиатов, но последствием воздержания, навязанного Россией, к которому заявители не прибегли бы, если бы не было запрета на метадон», — говорится в особом мнении.

«Власти вмешались в выбор заявителей, желающих получить опиоидную заместительную терапию, которая имеет решающее значение для их выживания. [Уже только сам] абсолютный характер запрета на бупренорфин и метадон представляет собой нарушение статьи Конвенции [об уважении частной жизни]. Решение суда влияет на жизнь тысяч потребителей опиатов, желающих получить такое лечение в России. Признание отсутствия нарушения статьи [об уважении частной жизни] тем более прискорбно, что основано на неадекватных доводах. С одной стороны, суд неправильно определил предмет жалобы, а с другой, основывался

на некорректном сравнении законодательных ограничений различных государств — членов Конвенции, призванном убедить в отсутствии реального консенсуса об эффективности опиоидной заместительной терапии. <...> Введение правительством единой процедуры избавления от зависимости на основе воздержания привело к серьезным страданиям заявителей, что равносильно обращению, запрещенному статьей Конвенции о пытках. К этим страданиям следует присовокупить и утверждения заявителей об их дискриминации, ошибочно признанные судом неприемлемыми».

Из особого мнения судьи Келлер

Адвокат Голиченко пока не готов ответить, будет ли обжаловать решение ЕСПЧ. «Оно огорчает тем, что несмотря на огромное количество аргументов с обеих сторон, которые требовали очень тщательного анализа, его проведено не было. А задокументировать такое дело — это не жалобу на побои в полиции в ЕСПЧ коммуницировать, у которой очень простой алгоритм. Тут нужно с заявителями жить годами, выполнить множество условий — а ЕСПЧ, по сути, даже рассматривать заявление не стал», — сетует юрист.

Редактор: Дмитрий Ткачев

«Медиазона» благодарит Ренату Мустафину за помощь в переводе документов ЕСПЧ.

1. Всемирная организация здравоохранения, нормативам которой следует и российский Минздрав, считает наркозависимость именно болезнью.
2. International Doctors for Healthier Drug Policies, IDHDP
3. Joint United Nations Programme on HIV/AIDS, Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД
4. Сейчас сайт организации не работает; найти следы ее деятельности после 2016 года «Медиазоне» не удалось.